

Николай ЕЛЕНЕВСКИЙ

Время пастыря

Николай Еленевский

Время пастыря

«Четыре четверти»

Еленевский Н. В.

Время пастыря / Н. В. Еленевский — «Четыре четверти»,

ISBN 978-985-6981-83-1

«Время пастыря» повествует о языкеводе-самородке, священнике Лунинской Борисоглебской церкви Платоне Максимовиче Тихоновиче, который во второй половине XIX века сделал шаг к белорусскому языку как родному для граждан так называемого Северо-Западного края Российской империи. Автор на малоизвестных и ранее не известных фактах показывает, какой высоко духовной личностью был сей трудолюбец Нивы Христовой, отмеченный за заслуги в народном образовании орденом Святой Анны 3-й степени, золотым наперсным крестом и многими другими наградами. В романе, опирающемся на документальные свидетельства, показан огромный вклад, который вносило православное духовенство XIX века в развитие образования, культуры, духовной нравственности народа современной территории Беларуси.

ISBN 978-985-6981-83-1

© Еленевский Н. В.

© Четыре четверти

Содержание

Пролог	6
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Николай Еленевский

ВРЕМЯ ПАСТЫРЯ

Роман-хроника

© Еленевский Н. В., 2011

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2016

Искренняя признательность Высокопреосвященнейшему Владыке Стефану, архиепископу Пинскому и Луцинецкому за помощь в работе над книгой.

Автор

Время пастыря – это мгновение, превращенное в вечность.

Автор

Пролог

Пинск жил предчувствием праздника. Казалось, что и небо над городом стало голубее, и Пина понесла свои воды в Припять более величественно, чем в обычные дни, и птицы запели громче, хотя сам июньский день 2001 года был несколько прохладным. Но солнце ухитрилось сквозь небольшие прорехи в объемных пушистых облаках смотреть на людей, на улицы, пробежаться вместе с веселой детворой по тротуарам, обласкать усыпанную цветами улицу, отразиться в куполах храмов, которых в этот день стало одним больше.

Первомайскую улицу народ выстлал ковром из живых цветов от самого перекрестка с улицей Завальной до входа в храм Воскресения Словоущего, огородил ее на многие сотни метров своей живой изгородью в ожидании прибытия Его Святейшества Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

О том, что высшее духовное лицо православного мира посетит Пинск, было известно давно, и прихожане жили этой отрадной новостью. Им предстояло увидеть, прочувствовать душой и в некоторой степени самим участвовать в совершении Чина Великого Освящения нового Свято-Феодоровского собора, возведенного всем миром.

Сам же Чин Великого Освящения будет проводить Патриарх Алексей II. Событие для Пинска, прямо скажем, не имевшее аналогов в историческом прошлом.

Собор, украшая город, величественно вознес в синеву свои купола, вселяя в души верующих, и не только их, неиссякаемое чувство гордости. На встречу с Патриархом Московским Алексием II пришли и стар и млад. Пространство ближайших улиц было запружено народом.

Теле-, радиожурналисты, газетчики, просочившись сквозь милицейское оцепление, сновали у главного входа в храм Воскресения Словоущего, профессиональным чутьем предугадывая, что именно здесь днем сегодняшним и развернутся основные события по встрече патриарха.

Утром нас всех заранее собрала начальник Брестского областного управления по информации Нина Шпак и раздала пластиковые пропуска с реквизитами Московской патриархии.

– Благодаря им вы будете вхожи за оцепление, – говорила она, протягивая светло-желтые карточки, – и еще просьба – сохраняйте чувство такта. Понимаю, что вам захочется сделать какие-то особенные снимки, о чем-то спросить Его Святейшество, но во всем должна быть мера, без назойливости, ведь этот визит не ради вас, а ради прихожан.

Голос у нее был слегка хрипловатый, на круглом всегда улыбочивом лице виднелась печать некоей легкой усталости. Но такой же легкий и светлый платочек, аккуратно повязанный на кудряшках светлых волос так, как его повязывала моя мать, собираясь в церковь, подчеркивал в его хозяйке особую одухотворенность. И даже налет ее усталости воспринимался нами, журналистами, с уважением. Визит главы Православной церкви на Полесье – событие значимое, ибо за всю многовековую историю края таковой совершался впервые.

Появление патриарха народ встретил с ликованием, какого еще, пожалуй, улицы города не слышали, и здравицей «Многая лета».

Хлеб-соль преподнесли городская и районная власти. Здесь же находились директора предприятий, представители интеллигенции.

Архиепископ Пинский и Лунинецкий Стефан от имени духовенства и православных верующих Полесья выразил безмерную сердечную благодарность Его Святейшеству Алексию II за посещение Пинска – столицы православной земли полесской.

– Ваш визит еще больше укрепит веру людей в Господа нашего Иисуса Христа и поможет достойно нести свой жизненный крест наперекор всем невзгодам, которых было очень много на нашей многотрадной земле.

Высокопреосвященнейший Владыка Стефан передал в дар его Святейшеству панагию Божией Матери Купятицкой, особо почитаемой на Полесье.

Вот что сказано о ней в исторических архивах. Текст из православной летописи, изданной Минской епархией в 60-х годах XIX столетия, гласит:

«Икона имеет на себе надпись 1182 года. Празднование ей 15 ноября. Первоначально она явилась в необычайном свете, на дереве, некоей девице Анне из села Купятич, пасшей стада своего отца. Отец ее Василий с другими соседями своими построил малую церковь на месте явления иконы, в которой она находилась до нашествия татар, разоривших и сжегших село и церковь Купятицкую. Во время пожара чудотворная икона уцелела и скрывалась под слоем пепла всеми забытая до тех пор, пока вторично не явилась некоему богомольцу Иоакиму, путешествовавшему по святым местам и возвращавшемуся из Иерусалима через Полесье.

Пилигрим этот не осмелился взять с собою явившуюся ему светоносную икону, а объявил о ней жителям купятицким, которые с радостью приняли весть о вторичном явлении чудотворной своей иконы и на прежнем месте построили церковь (около ста лет перед явлением чудотворной иконы Жировицкой), где она находилась до времени перенесения ее в Киев в половине XVII века бежавшею туда по причине гонения православных братиею бывшего Купятицкого монастыря. Чудеса, бывшие от сей иконы и описанные купятицким игуменом Иларионом Денисовичем у Кольнофойского, суть следующие:

1) исцеление одного жителя купятицкого, участвовавшего в строении церкви после первого явления сей иконы;

2) спасение от утопления пилигрима Иоакима, переправлявшегося через реку Ясельду;

3) извержение из гроба и церкви мертвого тела некоей княжны, вопреки откровению погребенной в Купятицкой Введенской церкви. Со времени этого чуда вошло в обычай не вносить в сию церковь мертвых тел;

4) 1617 год. Спасение от насильственной смерти одного купятицкого пономаря, ходившего ночью в церковь за книгою, которого хотел убить какой-то вор, наказанный за свое намерение омертвлением рук, но помилованный за раскаяние и исцеленный Богородицею. Впоследствии, сокрушившись с пути раскаяния, он пойман был в обворовании церкви Молодовской и казнен смертию;

5) 1627 год. Насильственная смерть одного монаха Вениамина от облагодетельствованного им человека за дерзкое оскорбление ножом чудотворной иконы для дознания, из какого материала она сделана;

6) исцеление больного Маскевича, судьи пинского, разбитого параличом, во время самого молебствия перед чудотворной иконою о его здравии и спасении;

7) 1624 год. Тяжкая болезнь и смерть Павла Войны, делавшего предметом шуток чудотворную Купятицкую икону;

8) 1631 год. Исцеление от смертоносных ран пинского обывателя Саввы Козляковскаго;

9) 1629 год. Чудесное возжжение свечи перед чудотворною иконою ночью перед днем Введения в храм Пресвятыя Девы;

10) 1631 год. Исцеление отрока Павла, ушибшагося до полусмерти при падении с высоты на кирпичный пол;

11) 1632 год. Исцеление одного больного жителя пинского уезда, Пласковицкого, оставившаго в церкви восковой знак в память сего чуда;

12) исцеление сумасшедшей Марины Токаржевской-Петровской;

13) пение ангельское «Слава в вышних Богу» в церкви, слышанное одним благочестивым жителем купятицким;

14) 1633 год. Исцеление Павла Дзевалтовскаго, наказанного от Бога болезнью за неувольствие на проповедника иеромонаха купятицкаго, обличившего грехи, в которых чувствовал себя Дзевалтовский виновным. Он прислал восковое изображение руки в память сего чуда;

15) 1633 год. Исцеление некоей больной Ивановой-Почуйковой, пинской жительницы;

16) исцеление малолетнаго сына Пелагии Триушковой, страдавшего болезнью, похожей на беснование;

17) исцеление больного Тимофея Нелиповича, жителя села Городища, для избавления от болезни, по совету одной благочестивой женщины, постившагося 9 пятниц и приходившаго на поклонение Купятицкой чудотворной иконе;

18) 1634 год. Исцеление семейства одного жителя села Ставка Пинскаго уезда, кроме главы семейства, скончавшегося мучительной смертью за неверие явлению Богоматери молившейся жене его;

19) 1636 год. Исцеление одной больной женщины Макарихи из села Купятич;

20) 1635 год. Исцеление Марины Ивановой Богдановой;

21) 1636 год. Исцеление одного бесноватого, приведенного в Купятицкую Николаевскую церковь.

Далее Кольнофойский замечает, что было и более чудес от Купятицкой иконы, но письменных сказаний о них не сохранилось».

Святость этой древней иконы для полешуков была и остается незабываемой. Ей поклонялись и поклоняются. К ней шли за помощью и советом раньше, идут и сейчас. Вот почему столь драгоценный дар в знак своего уважения и преподнесли Его Святейшеству.

В ответном слове Его Святейшество Патриарх Алексей II сказал:

– Мы рады посетить эту древнюю землю, землю многострадальную, которая испытала за свою историю много бед. Это и богоборчество, и отстаивание святого православия перед лицом инославия, это и Великая Отечественная война. Сегодня особенный день для белорусской земли – День памяти всех святых, земле белорусской просиявших, подвизавшихся различными подвигами веры и благочестия. И мы верим, что Господь по молитвам святых благословляет людей своя миром. И что третье тысячелетие и двадцать первый век будут для народа, живущего здесь, на белорусской земле, годами мира и созидания...

Я молитвенно призываю благословение на этот град, на всех жителей его и на все Полесье.

Слова Его Святейшества опять всколыхнули в моей душе то, чем жил многие годы. Жил. Верил. Надеялся. «Надо получить благословение Его Святейшества. И если будет угодно Богу, то осуществлю ее».

Патриарх Московский и всея Руси отслужил молебен в соборе в честь Воскресения Словоущего. Усиленное динамикой песнопение витало над городом вместе с голубями, и неведомо было, то ли голуби сами плели свои кружева, то ли песня, славящая Бога, держала их в высоте, и они там выписывали невидимые ноты.

...Многотрудный, насыщенный день пролетел быстро. Город зажег фонари и окна. Река в их свете из стальной серой полосы превратилась в жемчужное ожерелье. Асфальтную мазутность и бензиновую гарь вытеснял прохладный ветерок, расплескивавший по улицам запах цветущих клумб, а также тех цветов, которыми прихожане усыпали двор епархии, где остановился Патриарх Алексей II.

Народ не расходился...

Святость и одухотворенность читались и на усеянном морщинками лице старушки, молитвенно складывающей руки, и на юном прекрасном лице девушки, прижимающей к груди несколько роз, и в глазах седовласого мужчины, теребящего узловатыми, но еще крепкими

пальцами бейсболку. Кто-то негромко переговаривался, кто-то просто молчал. Вместе с ними молча стоял и я.

Когда патриарх после вечерней молитвы вышел на крыльцо, я, склонив голову, попросил:

– Ваше Святейшество, благословите, чтобы Господь помог мне завершить дело, которым живу столько лет.

Патриарх пристально глянул в глаза, его рука легко, подобно тем голубям, что днем парили в поднебесье, взлетела надо мной и легла на голову:

– Бог благословит.

На следующий день Патриарх Алексей II совершил Чин Великого Освящения Свято-Феодоровского собора. Затем за большие заслуги перед православной церковью вручил высокие церковные награды представителям духовенства и мирянам. За укрепление веры во славу Господа нашего Иисуса Христа благодарственной панагией был отмечен архиепископ Пинский и Лунинецкий Стефан. Ордена равноапостольного князя Владимира удостоился настоятель Свято-Феодоровского собора протоиерей Михаил Пинчук. За огромный вклад в строительство собора орденом преподобного Сергия Радонежского II степени были отмечены директор строительной организации Михаил Водчиц и церковный староста прихода Михаил Лесников. За труд на ниве милосердного служения ближнему медаль преподобного Сергия Радонежского I степени и сопутствующая ей грамота были вручены председателю Пинского отделения общества Красного Креста Ольге Жуковой.

Теперь часто вспоминаю тот июньский вечер и такое отцовское:

– Бог благословит.

Вспоминаю с благодарностью. Ведь тот вечер добавил надежды...

У нее [грамматики Тихоновича] уже были годы поиска. Пока особенных результатов не получил. Но верилось, верилось...

Однако хочу вернуться к истокам этой надежды.

* * *

Не успели мы войти в дом, как мать, поочередно приткнувшись ко мне и к жене мокрыми от радостных слез щеками, замахала руками:

– Ой, Василь уже несколько раз заходил, спрашивал, когда ты приедешь, так хочет с тобой повидаться.

– Какой Василь? – недоуменно переспрашиваю ее, поскольку в нашем роду есть еще несколько родственников с таким именем.

– Да Василь Гой, неужто забыл? – сказала мать, укоризненно качая головой.

Признаться, забыл. Да и немудрено, ведь с прошлого нашего приезда в родные места прошло почти два года. За это время ни он мне, ни я ему ничем не напоминали.

После материнских слов уже до самого утра не мог сомкнуть глаз. Хотя позади была долгая дорога из русского города Коврова, где я служил в военной газете, через Москву в Минск. Оттуда пассажирским поездом, прозванным в народе «кругосветкой», к любимой с детства маленькой железнодорожной станции под названием Ловча. Миниатюрный кирпичный вокзальчик украшала мемориальная доска, посвященная русскому поэту Александру Блоку. Он когда-то в годы Первой мировой войны сошел здесь с поезда, чтобы попасть в одну из русских воинских частей, расположенную на линии фронта с германцами в районе деревни Колбы Пинского уезда. Ничем особенным этот великий русский поэт на полесской земле не отметился. Но она все равно выразила ему свою благодарность даже за то, что волею судьбы он когда-то прожил здесь несколько месяцев, – создала в его честь музей в деревне Лопатино, посвятила ежегодный литературный праздник «Блоковские чтения».

Несколько иная судьба выпала памяти служившего в то же самое время на той же станции Парохонск Максима Горецкого. Величине для нас весьма значимой в литературном плане. Немногие знают об этом периоде поэта. Практически исчезнувшее из литературного наследия здешних мест имя просит вернуть его на подобающее ему место.

Мемориальная доска на лунинском вокзальчике из дани памяти, но Александру Блоку.

Нынешнее здание было совсем не тем большим помещением, просторным, деревянным, со служебными комнатами и жильем для семьи начальника разезда, огороженным от вагонного перестука длинными рядами сирени, большим садом с толстенькими дубами.

В развилке одного из них добрым знаком высилось вековое гнездо аистов. Молва гласит, что птицы его построили в день открытия вокзала ранней весной 1882 года. С того времени каждое новое поколение их обязательно добавляло свою ветку. Став многоэтажным, оно вобрало в себя и многочисленных окрестных птиц помельче. В гнезде чернели дыры, куда сновали синицы и воробьи. Только такому огромному дереву было под силу выдержать всю его тяжесть.

Когда-то в зале ожидания, протапливаемом обложенными расписным кафелем печками, стояли удобные деревянные диваны с удивительными вензелями на спинках. Дожливой осенью, морозной зимой народ из окрестных деревень в ожидании поезда грелся у этих печек, у коновязи кормил лошадей, доставая его с доверху набитых санных кошелей.

Теперь здесь находился каменный шест на шесть метров домик, увешанный проводами, с одной скамьей напротив окошка дежурного по разезду и кассира одновременно.

Ныне, как и ежегодно, над станцией пахло подсохшей травой: кто-то обкосил ближнее болото. Сенной аромат забивал запах прогретого за летний день мазута – пропитки шпал железной дороги. Лягушки-полуночницы кричали вслед уходящему поезду так, словно подгоняли его своим кваканьем уезжать подальше от этих благословенных тишиной мест. Над селом висела яркая луна. Лениво отлаивались собаки. Чемоданы мы оставили под присмотром дежурившей на станции женщины, чтобы поутру приехать за ними возом, а сами налегке, прихватив лишь небольшие сумки, пошли через село, теперь уже сопровождаемые собачьим гвалтом, катившимся следом за нами и стихавшим, когда мы поворачивали на очередную улицу. Изредка встречались молодые пары. Было это накануне праздника Святой Троицы, который всегда с особым душевным подъемом отмечался сельчанами нашего Лунина.

* * *

Василь Карпец, а по-деревенски его род называли просто – Гой, был моим далеким родственником. С вьющимся чубом, красивый, высокий, мастеровитый, он по праву считался первым парнем в нашем Лунине, огромном полесском селе. Под стать ему и двоюродный брат Антон. Их отцы – Максим и Петро – были родными братьями. Петра летом 1943 года убили около деревни Богдановка. Кто? Неизвестно. Василь с малолетства пропал у дядьки Максима. Росли они с Антоном не разлей вода.

Еще со школы Василь много читал, выписывал разные газеты. Осталось это навсегда. Со своим семиклассным образованием, он, благодаря огромной начитанности, заинтересовался историей родного края. Интерес оказался столь глубоким, столь широким, что Василь из простого сельского кузнеца превратился в краеведа, в личность, известную далеко за пределами района. В это трудно поверить, но когда читаю сохраненные женой (она и сама не знает для чего) его письма в книжные магазины, музеи, переписку с друзьями, которые обосновались в Минске, областных центрах, то поражаюсь: это в силу каких же причин обычный сельский кузнец поднялся на такую высоту?

И что его подняло?

Осознаю: любовь к родным местам, их прошлому, отсюда и поиск, постоянный поиск...

Он поставлял интересные экспонаты в музей Белорусского Полесья, который размещался в Пинске, отсылал их в Брест. И ко всему человек скромный, даже стеснительный. Хотя его больше уважали и любили не за то, что он колесил на велосипеде по окрестным селам, не за игру на гармонике. Нет. Его любили за умелые руки.

Антон – сама противоположность – острый на язык. Он знал много прибауток, поговорок, пословиц. Он и сейчас за словом в карман не полезет. Народ удивлялся:

– Антон, из тебя как из рога изобилия. И где столько всего вмещается?

Но стоило Василию взять в руки гармошку, а Антону бубен, как у этого же народа ноги сами шли в пляс.

– Это не хлопцы, дядько Максим, а черти, – говорили люди. – Не позови их на свадьбу, так это не свадьба, а поминки будут.

Василь с Антоном и на нашей с Надеждой свадьбе играли. Да как играли! Столько лет прошло, а помнится...

У Василя мокрый от пота чуб ко лбу прилип. Тонкие длинные крепкие пальцы музыканта и кузнеца стремительно летали по белым пуговкам старого тульского, но очень голосистого гармоника. Антон под взмах гулкой медной блестящей тарелки бубна белозубо улыбался. У Пеша, лесника и нашего соседа по улице, тогда от новых хромовых сапог подошвы отлетели. Пешо был танцор каких поискать, в танце на ходу мог носок своего сапога поцеловать. Такой фокус еще на селе удавался только одному человеку – Антону Печуру, колхозному пчеловоду.

Поздним вечером, да нет, ночью, когда танцоры уgomонились, а женщины принялись за спевки, я повел Василя домой. Мы оба, петляя по широкой улице от забора к забору, с особым усердием пылили так, чтобы добраться к намеченной цели – Василевой хате, стоявшей от нашей за добрых два километра. Василь пытался мне что-то рассказывать, начинал размахивать руками и тогда уходил из-под моего плеча, и мы тут же присаживались на пыльную траву, чертополох, крапиву у забора, чтобы сориентироваться и передохнуть. Поднабирались сил для следующего рывка.

– Завтра мне приходиться? – вопрошал Василь после каждой такой передышки.

– Конечно! – мужественно восклицал я.

– С утра пораньше? – опять спрашивал Василь.

– Конечно! – на той же ноте довольного жениха отвечал я.

– Тогда обо всем и поговорим!

– Конечно!

На следующий день мы с женой на правах молодоженов еще не жили в постели, как на улице звонкоголосо грянул гармоник. Было слышно, как соседка тетка Надя, выделившая нам на период свадьбы комнату для жилья, ойкнула:

– Люди, это же еще и коров не гнали, а он за музыку взялся. И не успался.

На что ее муж Антон со смехом отвечал:

– Успишься, когда голова раскалывается, а душа чарку чует. Перебрал он вчера.

– А ты не перебрал? Тоже хороший был.

– Так ведь свадьба!

– Ну, Василь, Василь...

– Ты иди, буди молодых. Это для них концерт.

– Пускай поспят. Вы тут всю ночь колобродили. Весь Лунин вас слушал. Отдохните, – постукивая чугунками, приговаривала тетка Надя.

Что это было за колобродство, мы узнали, когда, одевшись, пошли на зов Василевого гармоника. Оказывается, старый Бумкач уснул под лавкой, а другой – за упавшей рядом на пол, его и отгородило от людского глаза. Дед удумал неведомо что, вплоть до того, что его

уже в сосновой хате на тот свет отправили, потому как, где рукой не проведет, везде доски. Поднял крик:

– Люди! Я живой, люди, смилуйтесь! Откопайте!

Да так голосно и жалобно, что народ сбегался кто откуда. Еле деда успокоили, убедили, что он на этом свете. Окончательно тот пришел в себя, когда выпил две стограммовки водки, разгладил на груди жилистыми руками рубаху и, выйдя во двор, довольный прилег на траву.

– Вот, надо было сразу здесь ложиться, – бубнил он себе под нос, – лето ведь.

И захрапел как рожденный заново.

Василь, поставив гармоник на лавку, протянул мне завернутый в газету пакет:

– Я ведь вчера тебе ничего не подарил, так вот это, считай, мой подарок.

Видя, что я захотел развернуть газету, предупредительно махнул рукой:

– Потом посмотришь и оценишь, а сейчас пошли, трубы горят, надо хотя бы пару стопок влить.

* * *

Газетный пакет я развернул где-то спустя год уже в маленькой комнатухе пятиэтажного ДОСа – дома офицерского состава в гарнизоне, расположенном в самом центре России – в городе Коврове.

Здесь размещался воинский гарнизон. Издавалась военная газета, в которую после окончания Львовского высшего военно-политического училища меня направили служить. Около полугода мы с женой снимали частную квартиру у премоной старушки, страстной любительницы игры в лото. По вечерам у нее собирались еще несколько таких же игроков, от которых веяло здоровой русской мещанской обыденностью, сохранивших самые лучшие традиции мещанства еще царских времен. Все они были женами оружейников – людей зажиточных и мастеровитых. Но мужья в силу своего возрастного превышения уже ушли в мир иной, а их подруги остались доигрывать свое лото жизни уже без них. Там всегда подавался душистый чай, печенье и малиновое варенье, часто и мед. Иногда приглашали и нас с женой: «Молодежь, давайте-ка на чай!» – голосно выкрикивая номера: «Стульчики!» – это был номер 44, или «Барабанные палочки», то бишь номер 11, и удивлялись нашей неповоротливой памяти. О какой «разворотливости» можно было говорить, когда почти у каждого номера имелось свое закамouflированное, понятное только этим игрокам название. Оно воспринималось нами с трудом. Но эти лотошные воспоминания, подкрепленные старинными фотографиями, для нас оказывались мало привлекательными. Даже литературный журнал «Нева» за 1912 год, посвященный 100-летию Отечественной войны, оформленный многими уникальными снимками, меня почти не заинтересовал.

– Возьми, – уговаривала хозяйка, – может когда-нибудь да посмотришь.

– Может, – согласился я.

Затем мы получили одну на две семьи двухкомнатную квартиру и оказались владельцами премоной комнатухи. Полгода из мебели у нас были два стула и стол. Все имущество лежало в углу, старательно прикрытое от посторонних глаз домотканой скатертью, подарком матери.

Когда обжились, дошла очередь и до газетного пакета. В нем оказалось полное собрание сочинений Александра Сергеевича Пушкина, изданное в санкт-петербургской типографии товарищества «Общественная польза» толстенным томом в 1902 году. Удивительное издание Ф. Павленкова под редакцией А. Скабичевского с портретом автора, гравированным В. Матэ и 160 иллюстрациями. На обложке так и было напечатано «Все сочинения в одном томе». В нем я открыл для себя Пушкина как человека со всеми «болячками», потому что около трети книги составляла его переписка с друзьями. Переписка, которой не особо коснулась рука цен-

зуры. Разумеется, рука цензора в ней присутствовала, но только там, где Александр Сергеевич позволял себе пошалить с великим и могучим русским языком, придавая своим выражениям истинно народную окраску.

Имелась надпись:

«Педагогическим советом Радзивиличской железнодорожной школы дана сия книга в награду ученику 5 отделения той же школы Дзендолету Станиславу за хорошие успехи и отличное поведение. 11 мая 1903 года».

И подписи дарителей. Среди них старший учитель Н. Обровец – такая фамилия была весьма распространенной в нашем селе.

Книга стала семейной реликвией и положила начало нашей домашней библиотеке. Я тогда не задумывался, как она могла попасть в руки простого сельского кузнеца.

* * *

Спустя пару лет, будучи в отпуске, спросил у Василия:

– Как этот Пушкин у тебя появился?

– Долгая история. Но ты мой подарок оценил?

– Да, огромное спасибо. Так все же...

– Дело вот какое. Когда закрывали нашу церковь, встал вопрос, куда девать церковную библиотеку. А библиотека, я тебе скажу, была большая. Когда увидел, сколько в ней книг, дух захватило. Вот Плешко, наш священник, и предложил мне забрать ее часть, поскольку все, кому он только не предлагал, отказывались.

– И в библиотеки?

– И туда тоже. Среди различных изданий и Пушкин. Там много разных интересных книг имелось. Знаешь, собирали эту библиотеку лунинские священники столетиями и передавали, как говорится, вместе с храмом друг другу по наследству. Удивительные были люди. Более того, от Плешко я узнал, что первую белорусскую грамматику также написал священник, Платон Максимович Тихонович, притом священник нашей церкви.

– Какую грамматику?

– Самую настоящую, нашу первую. Мне Александр Иосифович часто рассказывал о том, что Тихонович не раз с обидой вспоминал, мол, ее так и не издали, хотя говорили, издадут. Были на тот момент свои исторические оценки...

– Где же она теперь?

– Кто его знает. Плешко говорил, может, в каком архиве затерялась. Я послал запросы в разные места, но пока с ответами туго.

– Нет, подожди, это же не страничка, две, три, это же грамматика, целый труд. След должен быть.

– Пока ничего. Ни со Львова, ни с Бреста, ни с Минска. В Пинск сам ездил, выразили любопытство, помогли, да что толку. Там ведь все свежие архивы. Когда области объединяли, пинский архив вывезли в Брест. Это уже после войны. А в войну, где-то в 43-м, немцы кое-что вывозили во Львов. Мы в то время входили в состав Украины.

– А если где подальше?

– Москва молчит, Ленинград молчит. Видимо, самому надо ездить, да у кузнеца какие деньги. Жена и так ругается, что всю получку трачу на книги. Ты ведь во Львове учился. Если бы на то время да попросить тебя посмотреть в музей, может, что-то и высветил. А так... Говорят, там музей прекрасный?

– Не был.

– Эх ты, а еще журналист. При твоей специальности да без музеев – это что коню без подков, – Василь улыбнулся. – Ладно. Живем надеждой.

– Знаешь, пожалуй, я сметаюсь во Львов.

Он удивленно кехекнул, пожал плечами:

– Как хочешь. Своим не говори, меня ругать будут. Скажут, человек в отпуск приехал, а я подбил его на дурницу.

– Придумаю что-нибудь.

В плацкартном вагоне поезда Ленинград – Львов, который почти полностью был уставлен огромными пустыми корзинами из-под ароматной клубники, для меня нашлось место.

Вагон оказался говорливым, веселым, песенным. В клубничный запах добавлялся пах колбас, купленного в Лунинце свежего хлеба и водки. Неугомонные пассажиры – загорелые крепкие парни с двумя молоденькими девушками в красиво вышитых сорочках – всю ночь «распрягали коней и ходили спочивать», да еще дружным многоголосьем «копали криниченьку». Несколько раз приглашали в гости. Но я уже жил встречей со Львовом – городом своей курсантской юности. Предвкушал удачу, думал, что именно там находится белорусская грамматика Тихоновича, и как обрадую Василя, когда покажу ему хотя бы ее копию.

Львов – старинный красавец, полуполяк, полу-украинец, полурусский, полу-австиец, полугуцул, полу-еврей, полубелорус – жил своей жизнью, озвученной перестуком трамваев, степенным говором, а также вылетающей из окон домов, кафе, из распахнутых дверей магазинов популярной до сумасшествия песни «Червона рута»...

В историческом музее ничем не обрадовали. Узнав цель поездки, очень захотели помочь, но...

Правда, меня увлекла «прогулка» по страницам «Львовского слова» – местной газеты, издававшейся здесь в середине XIX столетия. В частности, отрывок из статьи, подписанной инициалами и с дополнением к ним: «Известный писатель». В ней велся разговор о том, на каком языке целесообразно преподавать науки и грамоту в открывающихся народных школах. Подумал, значит вполне вероятно, что по этому вопросу велась большая полемика, которая выходила далеко за пределы «Львовского слова». Центрами спора и, судя по всему, основополагающими для того времени, как выяснилось позже, были Киев и Вильно. Чувствовалось, что этот спор захватил не только творческую интеллигенцию, но и значительные круги духовенства.

– Вы знаете, такая грамматика имела право на жизнь, – такими были мои выводы.

Сотрудники музея согласились:

– Тогда много всего писалось, сочинялось, творилось. Представляете: отмена крепостного права, новые веяния. Жизнь бурлила. Так что у вашего Тихоновича были весомые аргументы сесть за подобный труд. Ищите свою жар-птицу, молодой человек, ищите.

С этим напутствием львовских хранителей старины и уехал обратно.

* * *

...Василь моему пустопорожнему возврату не удивился. Философски-мечтательно произнес:

– Ха, Миколка, будь все так просто... Думаю, если она написана, то все равно где-то есть. Найдем, прочитаем. Знаешь, как ее мог написать священник, ума не приложу. Ладно, будь он профессор или там лингвист. А вот на тебе, оставил след.

Его мечтательность, так захватившая перед поездкой, теперь меня разозлила.

– Какой там след, а войны, пожары...

– Нет, Миколка, пока ты от всего этого далек, так далек, что и не представляешь.

– А ты представляешь?

– Злишься?

– Да нет.

– Вот и ладно. Поверь, что представляю, – он сжал в кулаки крепкие цепкие пальцы, постучал ими, словно соединял, склепывал на своей наковальне невидимые части чего-то целого. – Должна быть. Плешко просто так говорить не мог.

Священника Александра Иосифовича Плешко я тоже знал, но чисто со своей мальчишеской стороны. Учился в одном классе с его внуком Сашей. Мы дружили. Я бывал у его дедушки, который и растил своего Сашеньку. Их старый дом стоял на повороте сельской улицы, что служило причиной целого ряда несчастий. То ли по неопытности, то ли подвыпивши, но шоферы норовили въехать в него. И въезжали, ломали забор, однажды повредили стену дома, чем до смерти напугали матушку Ольгу. Сельчане, чтобы оградить священника от еще больших неприятностей, защитили его усадьбу, вкопав на углу рельсы. В комнатах пахло ладаном, свечами. С многочисленных икон смотрели задумчивые лики святых. На душе становилось боязно. Александр Иосифович никогда не мешал нам, не встревал в разговоры. Бабушка Оля старалась подать к столу чай с медом. В саду у них стояло несколько ульев. Мне было немного смешно: все происходило словно в каком-то старом фильме о старом времени. Но благодаря дедушке Сашу в школе уважали. К тому же он учился хорошо. А еще прекрасно играл в футбол. Мы, вся сельская пацанва, жили футболом и голубями. Размечали под футбольные поля все окрестные пустыри и возводили на чердаках клетки для голубей.

В 1964 году церковь закрыли. Церковная документация сохранила четвертушку бумажного листа с машинописными строками:

«Церковной общине д. Лунин. На 1963 год церковной общине в прошлом году было предъявлено к уплате налога со строения и земельная рента.

В 1964 году община должна уплатить налога со строения и земельную ренту в сумме 112 руб. 64 коп. Указанную сумму прошу внести сельсовету к 1 марта 1964 года.

Заведующий Лунинецким районным финансовым отделом Е. Шецер».

Такой суммы денег на тот момент у церкви не оказалось. Но, скорее всего, деньги здесь играли второстепенную роль. Это был лишь повод для оправдания тех, кто решил бороться с религией любыми методами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.